

ПОДПОЛЬНАЯ РАБОТА В ТЫЛУ У БЕЛЫХ

История революционного движения в Крыму знает много героических побед, одержанных рабочими и крестьянами под руководством большевиков в боях с самодержавием, оккупантами и белогвардейцами. Сплошным подвигом является успешная борьба большевиков Крыма против денкинской и врангелевщины, борьба, происходившая в условиях самого разнузданного, кровавого белогвардейского террора и, несмотря на это, приносившая успех за успехом.

К осени 1919 года революционное движение в Крыму поднялось на новую, высшую ступень. Ушедшие в глубокое подполье (после разгрома рабочих отрядов, укрепившихся в керченских каменоломнях) организации большевиков готовили трудящихся к новым массовым вооруженным выступлениям, для окончательного уничтожения белых на Крымском полуострове. В городах и деревнях Крыма выступления рабочих и крестьян против белогвардейцев учащались с каждым днем. Необычайно сильно возросло сопротивление крестьян осенью 1919 года, когда крестьяне собирали урожай на национализированной помещичьей земле, посеянной ими семенами и инвентарем, полученными от Советской власти. Вернувшиеся помещики предъявили свои старые права на землю. На этой почве борьба крестьян с помещиками обострилась

до крайности. Под руководством евпаторийской подпольной коммунистической организации в августе месяце восстали крестьяне трех деревень Евпаторийского уезда: Караджа, Кунан и Ак-Мечеть. Крестьяне категорически отказались отдавать помещикам Воронцову и Попову треть урожая.

3 августа на транспорте „Буг“ в Ак-Мечеть прибыли две роты белогвардейцев. Они оцепили деревню и потребовали от крестьян выдачи коммунистов и агитаторов. После отказа выполнить это требование белогвардейцы стали избивать крестьян шомполами. На помощь жителям Ак-Мечети прибыли крестьяне соседних деревень: Кунан и Караджа. На стыке дорог Кунан—Ак-Мечеть завязалась перестрелка крестьян с белыми, в результате которой белогвардейцы бежали, оставив несколько убитых.

На рассвете следующего дня к деревне Караджа прибыло несколько миноносцев с отрядом солдат в 900 человек с кавалерией и артиллерией, под командованием полковника Борисенко. Белые арестовали и зверски избили наиболее революционно настроенную группу крестьян во главе со Степаном Моцарем. От полученных ран умерло 7 человек.

Несмотря на кровавую расправу белогвардейцев с крестьянами, выступления против белых не уменьшались. Жестокие репрессии белогвардейцев вызывали ответные действия со стороны крестьян во многих деревнях степных и горных районов Крыма. Весьма показательны события, происшедшие в деревне Капсикор. Прибывший туда для производства арестов и изъятия лошадей отряд белогвардейцев был полностью уничтожен крестьянами этой деревни. Трупы убитых белогвардейцев крестьяне бросили в море. Расследованием этого „проществия“ занялся сам Таврический губернатор

граф Татищев, прибывший в Капсихор. Но капсихорцы вынудили Татищева бежать в Симферополь, не закончив следствия. Граф отнюдь не хотел разделить участь белогвардейского отряда.

Бурно росли революционные выступления рабочих и в городах Крыма.

В марте 1920 года в Севастополе произошла трагедия, стоившая жизни 10 рабочим Севморзавода.

19 марта белые арестовали на Корабельной стороне 30 рабочих по обвинению в большевизме. Наиболее активные товарищи: Шестаков-Крылов, Клопов, Наливайко, Гинзбург, Гевлович, Гитин, Петров, Фокин, Губаренко и Авдеев были преданы военно-полевному суду, который 23 марта приговорил: Крылова, Наливайко и Гинзбурга к расстрелу, двух рабочих к 10 годам каторги и 5 оправдал. Узнав об этом „мягком“ приговоре, генерал Слащев распорядился доставить всех рабочих в Джанкой, где 24 марта они были без суда и следствия расстреляны.

Возмущенные этим злодейством рабочие Севастополя по предложению подпольного большевистского комитета 25 марта объявили забастовку протеста, к которой присоединились все члены профсоюзов города Севастополя. Бастовали рабочие мастерских военного порта, мастерских „Кронштадт“, служащие городского самоуправления, рабочие обувной фабрики Евдокимова, электростанции, водопровода и других предприятий.

27 марта под влиянием большевиков забастовали в знак солидарности с севастопольцами и рабочие Симферополя. Прекратили работу все предприятия города; все служащие торгово-промышленных предприятий также на работу не вышли.

Волнения рабочих достигли таких больших размеров, что генерал Шиллинг 27 марта вынужден был объявить Крым на осадном положении.

Через два дня забастовка перекинулась в Евпаторию. Узнав о казни 10 севастопольцев, евпаторийские рабочие 28 марта на митинге, созванном подпольной организацией большевиков, вынесли резолюцию протеста против злодейств Слащева. Испуганные белогвардейцы после митинга произвели массовые аресты среди бастующих рабочих и молодежи.

Утром следующего дня толпа женщин в 1500 человек (среди которых многие были с детьми) потребовала освобождения арестованных мужей, сыновей и начала громить полицейский участок и магазины. Через два часа, разоружив отряд белогвардейцев, женщины двинулись к тюрьме для освобождения арестованных с возгласами „Долой войну!“, „Не дадим своих мужей на фронт“, „Требуем освобождения всех политических арестованных“. По дороге к восставшим женщинам примкнули 350 военнопленных солдат, прибывших из Германии для пополнения армии Деникина. В результате налета отряда белой кавалерии на демонстрацию женщины были избиты прикладами и разогнаны. Вечером белогвардейцы приступили к новым арестам среди женщин и одновременно послали телеграфно в Симферополь просьбу о помощи. Той же ночью в Евпаторию в срочном порядке прибыли 2000 вооруженных белогвардейцев. Белые власти снова объявили Крым на военном положении.

Расправа белых с восставшими евпаторийцами была необычайно жестокой. Часть восставших женщин была ночью арестована и заключена в тюрьму. Что касается солдат, присоединившихся к восставшим, то их той же ночью погрузили на старую баржу, вывели ее в открытое море и взорвали.

Жестокая расправа белогвардейцев с бывшими военнопленными и женщинами города Евпатории вызвала

новую волну возмущения, задевшую даже белогвардейскую армию. 100 казаков, узнав о расправе с военнопленными, выразили свой протест тем, что демонстративно покинули лагерь белых с винтовками, пулеметами, ушли в лес и выступили против своих генералов.

* * *

В первой половине 1920 года большевистская организация понесла очень тяжелые потери в связи с проникновением в крымское подполье злейших врагов народа, матерых провокаторов и шпионов: Бабахана и Ахтырского.

Значительный процент большевистской организации Крыма составляла молодежь, работавшая впервые в подполье. Пользуясь неопытностью молодежи, провокаторы делали все возможное, чтобы уничтожить самых благородных и смелых, самых передовых сынов крымского пролетариата.

Империалисты Англии и Франции помогали Врангелю не только оружием и деньгами. Они предоставили в распоряжение своего наймита кадровых шпионов и провокаторов, завербованных еще в царской России. Оказавшиеся на территории Крыма агенты империалистических разведок, находившиеся главным образом среди офицеров царской армии, перешли в полное распоряжение Врангеля. Из всей банды провокаторов и предателей, которыми кишел тогда Крым, особо выделялись два матерых профессиональных шпиона: С. Бабаханьянц (он же С. Бабаханьян, он же Н. Бабахан) и Аким Ахтырский (он же Аким Мартьямов), проникшие в областной штаб крымского подполья.

До революции Аким Мартьямов околичивался в тюремных и судебных учреждениях и долгое время работал в царской охранке, выполняя обычные функции пре-

дателя, проникшего в партийную среду. Бабаханьянц же, в прошлом сын эриванского помещика и поручик царской армии, умело сочетал свое пребывание в националистической партии дашнак-цутюн, затем у меньшевиков, с одновременной службой в качестве видного агента разведки одной империалистической державы. Как выяснилось впоследствии, Бабахан являлся подлым троцкистом и ближайшим помощником сподвижника Троцкого, бандита Каменева. С помощью этих двух негодяев барон Врангель с первых дней своего появления на посту главнокомандующего приступил к разгрому основных подпольных революционных организаций в Крыму.

Врангель решил немедленно уничтожить все подпольные коммунистические организации, сведения о которых были в его руках, обезглавить крымскую организацию, лишив ее наиболее ценных и энергичных работников.

Крымская подпольная организация имела крепко сколоченный актив во всех городах и уездах Крыма. Большинство подпольщиков состояло из рабочих, тесно связанных с местным населением Крыма. Медленно, кропотливо с величайшей любовью и осторожностью создавались законспирированные подпольные революционные очаги. Так, в Севастополе работала группа коммунистов во главе с т. В. Макаровым. Эта группа была теснейшим образом связана с рабочими порта и мастерских. Подпольная организация оказывала большое влияние на всех рабочих города, она имела своих представителей на всех заводах, фабриках, в профсоюзах и т. д. В январе 1920 г. с приближением Красной Армии к Перекопу севастопольские коммунисты работали над организацией вооруженного восстания в городе с целью помочь Красной Армии овладеть Крымом.

В Симферополе работала группа подпольщиков во главе с И. Просмушкиным (Спером). Он руководил также подпольной деятельностью группы комсомольцев, которая принесла неоценимую пользу революционному движению в Крыму. Тов. Просмушкин привлек к подпольной работе и двух своих младших братьев: Михаила, работавшего наборщиком в Ялтинской типографии, и Абрама, комсомольца, наборщика Евпаторийской типографии.

Симферопольская партийная организация была теснейшим образом связана с рабочими, ремесленниками и интеллигенцией. Прибывший с фронта империалистической войны т. Спер, по профессии печатник, сумел быстро наладить работу подпольной типографии и с помощью комсомольцев: М. Москалева, Славного и других выпустил много прокламаций и воззваний крымской коммунистической организации к рабочим и крестьянам.

Симферопольскими подпольщиками был организован „Красный Крест“, который занимался сбором оружия, средств. Была установлена связь через сочувствующего коммунистам надзирателя Ливоненко—с тюрьмой. Кроме этого, в распоряжении подпольщиков была мастерская для изготовления фальшивых паспортов и документов, которыми снабжались призывники. Симферопольские большевики сумели вырастить замечательных подпольщиков. Такими товарищами были Петр Шкурин, Лука Гой, М. Лозинский, М. Москалев, Екатерина Григорович и многие другие.

В Феодосии работала крепко сплоченная подпольная организация во главе с т. Назукиным. Феодосийские большевики пользовались огромным влиянием среди портовых рабочих, железнодорожников и рабочих других предприятий города. В декабре 1919 года т. Назукин разработал смелый план восстания рабочих Феодосии

против белогвардейцев. По этому плану к восставшим должны были примкнуть рабочие и крестьяне других уездов. Восставшие должны были уничтожить гарнизоны белогвардейцев и присоединиться через Арабатскую стрелку к находившимся у Геническа и Перекопа частям Красной Армии.

В городской организации выделялись своей активной деятельностью подпольщики революционеры: Хмилько-Хмельницкий, Гейман, Разумова, Грановский, братья Беляевы и многие другие.

В Керчи работала группа подпольщиков во главе с товарищами Корниловым, Громоздой, Шмидтом и другими. Они были связаны с рабочими металлургического завода и солдатами местного гарнизона. Благодаря этому Керченская организация сумела получить большое количество винтовок, револьверов, патронов, взрывчатых веществ и т. д. Керченские подпольщики организовали небольшую подпольную типографию, они размножали большевистские прокламации и распространяли их среди трудящихся города и деревни.

Героическим участникам крымского подполья не хватало более острой политической бдительности. Между тем к Бабахану и Ахтырскому, людям новым и мало известным, необходимо было относиться более критически.

Нельзя, конечно, сказать, что Бабахан и Ахтырский были вне всяких подозрений у подпольной организации. В апреле комсомолец Москалев высказал сомнение в честности Акима Ахтырского, но этому выступлению не было придано должного внимания. О подозрительном поведении Бабахана свидетельствовали многочисленные факты. Севастопольские товарищи отказывались выполнять распоряжения Бабахана и игнорировали его. Симферопольские большевики должны были знать Бабахана по его антибольшевистским выступлениям в 1917 году.

Так, в ноябре 1917 года в Симферополе Бабахан (в чине поручика царской армии) выступил на собрании гарнизонного комитета меньшевиков против совершившейся в Петрограде Великой Октябрьской революции. В начале 1918 года уже некоторые местные рабочие открыто называли Бабахана „человеком, сидящим на двух стульях“. Документом, с помощью которого можно было быстро разоблачить провокаторов, явилось посмертное письмо т. Хмельницкого. Излишняя доверчивость привела к гибели многих руководителей подполья, людей беспредельно преданных делу большевистской партии. До сих пор крымские трудящиеся называют Бабахана „крымским Азефом“.

Для облегчения своей предательской деятельности Бабахан решил устранить из состава руководящего ядра крымского подполья наиболее энергичного члена областного комитета—секретаря Симферопольской организации т. И. Просмушкина (Спера). Предателю удалось это сделать. В начале 1920 года т. Просмушкин был арестован контрразведкой на улице. Он отстреливался до последнего патрона, но все же был схвачен контрразведчиками. На следующий день вместо т. Просмушкина Бабахан, по рекомендации контрразведки, ввел в бюро Обкома провокатора Ахтырского. Затем начались массовые провалы по всем организациям Крыма. Бабахан и Ахтырский усердно расчищали дорогу барону Врангелю.

Об этом свидетельствует даже краткий перечень провалов подпольных организаций в Крыму.

6 февраля в Севастополе была расстреляна группа отважных большевиков в составе: В. Макарова, А. Бунакова, И. Севастьянова, Л. Шулькиной, М. Кияченко, И. Ашевского (он же Дражинский), И. Вейсблат, М. Иоффе и С. Крючковой. 17 апреля (т. е. через 13 дней после вступления Врангеля на пост главкома) контрраз-

ведкой, в Симферопольском городском саду были арестованы почти все члены городской подпольной организации. Через 3 дня контрразведка арестовала на конспиративной квартире по Госпитальной улице в доме № 7 еще семь коммунистов. Только в тюрьме руководители Симферопольской организации, очутившиеся с глазу на глаз с провокатором Ахтырским, узнали его истинное лицо. Весть о предстоящей казни подпольщики приняли чрезвычайно мужественно и стойко. Подлежащий помилованию 16-летний комсомолец Лозинский демонстративно отказался принять эту милость от белых и решил разделить участь своих старших товарищей. Накануне казни подпольщики с удовлетворением узнали, что записка, переданная осужденной комсомолкой Шполянской друзьям, предупреждавшая товарищей о предательстве Ахтырского, попала по назначению.

5 мая в Симферополе на тонкой проволоке были повешены участники подпольной мусульманской коммунистической организации: Жигалина, Рефатов и другие.

В ночь с 5-го на 6-е мая врангелевской контрразведкой были повешены члены комсомольской подпольной организации: Волович, Ананьев, Горелик, Шполянская, Ципенюк, Александров, Азорский, Старосельский, Тышлер. Подпольщиков вешали на столбах. На шею им прицепляли ярлыки с надписью „за коммунизм“.

Один из участников крымского подполья т. М. Москалев, очевидец суда над комсомольцами, рассказывает следующее:

„В 10 часов утра под усиленным конвоем привели арестованных. В прилегающей к Петроградской гостинице улице к 12 часам дня стеклась такая масса народа, что юнкера еле сдерживали напор толпы. Поздно вечером суд вынес приговор. Девять товарищей были приговорены к смертной казни через повешение, в том числе

3 комсомольца—Зиновьев, Старосельский и Фаня Шполянская.

Никто из осужденных не дрогнул при чтении приговора. Они просили, чтобы их не разлучали в эту последнюю ночь.

К моменту вывода арестованных из зала суда толпа народа так сильно разрослась, что пришлось стянуть к Петроградской гостинице все воинские части, расположенные в Симферополе.

Рано утром на фонарных столбах у тюрьмы были повешены 9 коммунистов и комсомольцев. Перед казнью сидевшие в тюрьме слышали громкое пение „Интернационала“—это прощались с жизнью осужденные на смерть товарищи¹.

Пресмыкаясь перед Врангелем, Бабахан изобретал самые различные методы уничтожения коммунистов.

Бабахан решил одним ударом обезглавить всю крымскую подпольную коммунистическую организацию, не навлекая на себя никаких подозрений. К 5 мая он вызвал в Коктебель, якобы на съезд крымской подпольной организации наиболее активных членов подполья всего полуострова. Для отвода глаз прибытие делегатов было обставлено с особой конспиративностью. На самом же деле Бабахан готовил убийство всех участников съезда.

5 мая на даче писателя Вересаева в Коктебеле открылся съезд, на котором присутствовали делегаты: от Симферопольской организации—Катя Григорович, от Севастопольской—т. Илья Серов (Зильбершмидт), от Феодосийской—т.т. Хмилько-Хмельницкий, Матус Левковский, И. Петров и другие. От обкома комсомола и от Керченской организации делегаты не приехали ввиду провалов. Всего присутствовало 14 делегатов, из них 13 с ре-

¹ Крымиспарт. Из воспоминаний т. Москалева.

шающим голосом, 1 с совещательным. В президиум съезда Бабахан избран не был. С длинным и скучным отчетом, проверить который никто не мог, выступил Бабахан. В своем отчете он сумел обойти молчанием самые острые и злободневные вопросы, мучившие все подпольные организации Крыма. Он отвлек внимание съезда от обсуждения причин массовых провалов подпольных организаций и уклонился от выработки новой системы конспирации паролей и явок. С резкой критикой Бабахана выступил секретарь Феодосийской подпольной организации делегат т. Хмилько-Хмельницкий. Он обратил внимание делегатов на массовые провалы и сказал, что они могли произойти только вследствие предательства. Тов. Хмельницкий высказал уверенность в наличии провокаторов в руководстве Областного комитета, а затем заявил, что вся деятельность Бабахана носит авантюристический характер.

После выступления Хмельницкого был объявлен перерыв до следующего дня. Той же ночью в Коктебеле на даче писателя Максимилиана Волошина т. Хмельницкий был арестован контрразведкой. Кроме Бабахана никто не знал о местопребывании т. Хмельницкого.

7 мая делегаты приступили к обсуждению кандидатур, намеченных в члены подпольного областного комитета. Секретарь съезда т. Серов огласил список кандидатов в члены Областного комитета. В этот список Ахтырский не был включен, так как делегаты ему не доверяли. Но Бабахан стал горячо настаивать на включении Ахтырского в список. Делегаты не соглашались. Во время возникшего спора показалась группа белогвардейцев, открывшая стрельбу по делегатам съезда. В перестрелке был убит секретарь съезда т. Серов—делегат Севастополя и ранена Катя Григорович. Остальным делегатам удалось скрыться. На этом и закончилась работа так называемого Коктебельского съезда.

Что касается т. Хмельницкого и всей группы феодосийских подпольщиков, то они были потом переведены в Симферопольскую тюрьму, где их пытал Ахтырский. Вместе с группой симферопольских подпольщиков были приговорены к расстрелу следующие товарищи: И. Хмельницкий, Х. Грановский, И. Гейман, Ц. и Х. Беляевы, И. Просмушкин, С. Разумова, М. Лозинский, Т. Зусманович, Крылов-Соболевский, С. Тимофеев, Л. Шейкин, И. Никитин, А. Богданов, П. Ливоненко. Накануне казни т. Хмельницкий сделал все возможное, чтобы разоблачить провокаторов и очистить крымскую подпольную организацию от предателей. В ночь на 28 мая от имени всех осужденных товарищей т. Хмельницкий написал письмо в ЦК РКП(б) следующего содержания:

„ЦК РКП

Товарищи, завтра я и еще некоторые товарищи будем повешены контрразведкой Добркорпуса по причине провокации члена РВС Крымской Федеративной Республики Акима Ахтырского, который, будучи членом Крымского Областного Комитета РКП, служит в контрразведке и предал всю организацию Крыма. Многие повешены и многим грозит эта участь. Способствовал ему в этом предатель, секретарь Областного Комитета член б. правительства Крыма, Нарком Сергей Бабаханьянц... Он как секретарь ОК выдал ему все сведения о наличии всех организаций Крыма, все явки и место третьего съезда партии Крыма. Все это передаю в полном сознании. До свидания, с коммунистическим приветом И. Хмельницкий-Хмилько. Член Оскома* при ЦИК Украины 1920 года прощайте 15/5 ст. ст. 1920 года¹.

* Примечание ред. Оском—особая комиссия при ЦИК Украины.

¹ Архив ЦК КП(б) Украины. Харьков.

Это письмо т. Хмельницкий передал Зиновию Беляеву, брату осужденных Беляевых, который спрятал его в ботинке. Когда за отсутствием улик Зиновий был освобожден, то он передал письмо т. Хмельницкого уцелевшим феодосийским подпольщикам. К сожалению, этот ярчайший обвинительный документ против Бабахана не стал достоянием большинства крымских подпольщиков и не привлек должного внимания. Бабахан продолжал предавать революционные организации Крыма и лишь впоследствии враг был разоблачен и уничтожен.

После провала Феодосийской организации последовал провал Ялтинской группы подпольщиков. К смерти были приговорены товарищи: О. Череватенко, И. Киселев, Ф. Тимофеев. Вслед за ними погиб во время раздачи коммунистических листовок в Ялте комсомолец рабочий-наборщик Михаил Просмушкин. 8 июня белые расстреляли И. Дроздова, у которого они обнаружили: типографию, печатный набор прокламации от имени комитета коммунистов и коробку с капсулами для ручных гранат.¹

8 июля в Севастополе врангелевской контрразведкой была расстреляна новая группа подпольщиков в составе: Н. Никитина, А. Румянцева, В. Анфалова, В. Цыганкова, Е. Айзенштейн, Улитина-Вилонова, П. Мезина, Левченко, Мирошниченко, Леви.

Волна свирепого белого террора разлилась по всем городам Крыма. Бабахан и Ахтырский делали все, что могли, чтобы уничтожить, погубить лучших, передовых людей рабочего класса.

К чести крымских подпольщиков предательства и кровавый разгул врангелевской контрразведки так и не могли сломить революционный дух пролетариата и боевую

¹ Архив Октябрьской революции Крым. АССР, ф. КСПС „Переписка об арестованных“, л. 16.

деятельность его лучших сынов. Уцелевшие подпольщики, мало известные предателям и своевременно успевшие переменить местожительство, мужественно продолжали свою революционную деятельность.

Пытками и расстрелами белым не удалось сломить упорство революционеров. Героизм подпольщиков вызывал восхищение у всего населения.

4 июня подпольная коммунистическая организация г. Севастополя организовала в бухте взрыв колоссальной силы. Взрывом было уничтожено 150 вагонов ружейных патронов, около 200 000 снарядов, химическая лаборатория и другие военные объекты. Взрывы продолжались более суток¹. 19 июня был организован взрыв на прибывшем из Константинополя угольном транспорте „Дон“.

После расстрела руководителей керченской подпольной организации один молодой подпольщик (фамилию которого до сих пор не удалось установить), желая связаться с командованием Красной Армии для передачи ряда ценных сведений о состоянии тыла Врангеля, переплыл Керченский пролив, (расстояние в семь километров) и добрался до Тамани, где был расположен штаб красных войск.

Вслед за ним 19 распропагандированных большевиками керченских солдат крепостного гарнизона, воспользовавшись туманом, сняли замки со всех орудий, испортили прожектор и на 2 шлюпках переправились на таманский берег, где стояли красные войска. Керченскими подпольщиками разрабатывался план высадки десанта красных войск и захвата Керченского полуострова.

Врангелевцы были беспощадны к революционерам. Не только взрослые, но и подростки, и даже дети расстрели-

вались и подвергались пыткам в контрразведке. Так, врангелевцы расстреляли 16-летнего М. Лозинского, избили до полусмерти С. Цыганкова, 15-летнюю гимназистку Лурье, 13-летнего Хайкевича и многих других.

Подпольщики вели непрерывную борьбу с меньшевиками, эсерами, националистами, троцкистами и прочими врагами трудящихся. Несмотря на жестокий белогвардейский террор, на фабриках и заводах под руководством подпольщиков продолжались массовые забастовки. Бастовали рабочие севастопольских заводов, мастерских и порта. В мае—июне были организованы массовые забастовки в Симферополе (кожзавод, табачная фабрика, железная дорога), в Феодосии и Керчи. Эти забастовки не прекращались вплоть до разгрома Врангеля Красной Армией. В Джанкое среди железнодорожников во главе с большевиком под кличкой „Дядя Ваня“ была создана крепкая подпольная большевистская организация, наладившая связь с командованием Красной Армией через врангелевский фронт. Джанкойские товарищи организовывали взрывы поездов, мостов, задерживали транспорты с боевыми припасами и вели широкую пропагандистскую работу среди солдат.

Отважная подпольщица Клавдия Даниленко дважды переходила линию фронта через Арабатскую стрелку. Ей удалось доставить крымским подпольщикам и партизанам важные директивы Центрального Комитета партии Украины и представить отчет о состоянии Крымского подполья в ЦК. Враждебность крестьян к белому режиму выражалась в сопротивлении всем мероприятиям белогвардейцев. Участились вооруженные выступления крестьян против белогвардейских карательных отрядов. Большевики наладили вербовку трудящихся в партизанские отряды. Многих рабочих и крестьян подпольщики переправили в лес к красным партизанам. В Симфери-

¹ „Правда“ № 182 от 18/VI 1920 г.

поле, Ялте большевики организовали нападения на тюрьмы и освободили заключенных товарищей.

Под руководством коммунистов красные партизаны продолжали наносить барону Врангелю чувствительные удары.

После Коктебельского съезда Бабахан предложил всем крымским подпольщикам оставить города, перейти в лес и влиться в партизанские отряды, начальником которых он назначил самого себя. Этим приказом Бабахан совершил очередную услугу Врангелю, облегчив его положение в городах, так как опытные подпольщики ушли в леса к партизанам. Меншевики, националисты и кадеты усилили свою гнусную деятельность среди рабочих.

И в лесу Бабахан пытался сковать инициативу отдельных партизан и удержать их от активных выступлений против Врангеля. Он хотел раздробить партизан на мелкие отряды, на пятерки, и разбросать их по всем лесам Крыма, что намного облегчило бы белогвардейцам задачу ликвидации партизан.

Но красные партизаны не доверяли Бабахану и ненавидели его. Только бегство спасло его от расправы.

До самого приезда группы т.т. Мокроусова и Папанина вражда между партизанами и Бабаханом не прекращалась. Избавившись от предателя, партизаны развернули энергичную борьбу против белогвардейцев и оказали большую помощь Красной Армии в разгроме Врангеля.

КРАСНЫЕ ПАРТИЗАНЫ В ТЫЛУ У ВРАНГЕЛЯ

Новую блестящую страницу в историю Крымского революционного движения вписала группа отважных революционеров во главе с т. т. А. В. Мокроусовым (Савиным) и И. Д. Папаниным, прибывшая по указанию ЦК Украины для руководства Крымской повстанческой армией.

17 (4) августа 1920 года у берегов Капсихора остановился катер „Гаджибей“. На берег высадились прибывшая из Советской России группа из 10 отважных моряков. Отряд привез с собой несколько пулеметов, много патронов и денег. В обстановке свирепого белого террора и шпионажа прибытие этого маленького советского десанта вызвало всеобщее восхищение. Этот подвиг могли совершить только закаленные, беспредельно преданные делу Великой Пролетарской Революции люди. Белые не заметили катера, и советский десант беспрепятственно выгрузился на берег. С помощью крестьян-татар ближайшей деревни, сочувствующих Советской власти, красные моряки, нагруженные пулеметами и патронами, направились в лес к партизанам.

С большой радостью встретили красные партизаны советских моряков. Партизаны поняли, что с приездом этих товарищей наступит конец бабахановщине и начнутся решительные действия против врангелевцев. Многие партизаны были лично знакомы с т. т. Мокроусовым

и Папаниным, другие слышали о них еще в Севастополе. Абсолютное доверие, которое сразу же завоевали прибывшие товарищи у партизан, позволило быстро и правильно ориентироваться в создавшейся к их приезду сложной обстановке.

На следующий день т. Мокроусов принял командование над всеми партизанскими отрядами Крыма. Тов. Папанин был назначен заместителем командующего и назначен штаба. Штаб расположился в пещере у реки Бурулча. В штабе были бланки с советским штампом и круглая печать: „Крымская Повстанческая Армия“, в середине герб РСФСР. В казначействе штаба было много ценностей, отпущенных на революционную работу.

Как бывший штаб „руководил“ партизанскими отрядами до приезда т.т. Мокроусова и Папанина в Крым, говорит докладная записка, отвезенная позднее т. Папаниным в Москву.

„Я установил полную бездеятельность штаба, заключающуюся в следующем: штаб за все время своего существования не дал ни одному из отрядов никакого задания и разбросал людей на мелкие отряды на десятки верст, мотивируя отсутствием средств. Никаких планов действий штабом не намечено“¹ и т. д.

Первым своим приказом т. Мокроусов объединил все мелкие разрозненные партизанские отряды. Организованная Крымская повстанческая армия территориально была разделена на три полка. Первый полк действовал в районе Феодосии, им командовал т. Кулиш (один из прибывших из Советской России храбрецов). Второй полк действовал в районе Карасубазара. Третий полк действовал в районе Симферополя, им командовал брат казненного в Севастополе большевика В. Макарова —

П. Макаров. Кроме этого, в распоряжении штаба Крымской повстанческой армии были: один конный полк в 110 сабель и пятый татарский взвод в 85 человек, состоявший из жителей ближайших деревень. Вся Повстанческая армия насчитывала около 300 чел. (к ноябрю число ее удвоилось).

Только три дня понадобилось новому командованию, чтобы очистить Повстанческую армию от подозрительных элементов и привести ее в боевую готовность.

Новое командование положило конец внутренним распрям, искусственно разжигаемым предателем Бабаханом. Последний был изгнан из Крыма. В армии была введена железная дисциплина. Затем началась большая кропотливая работа по привлечению в Повстанческую армию рабочих, крестьян и молодежи, подлежащей мобилизации.

Руководящее ядро Повстанческой армии состояло из 39 членов РКП(б) и 25 комсомольцев. Секретарем партийной организации был прибывший из французского плена (из Африки) участник империалистической войны т. Валиков. Среди партизан было много солдат, было и несколько честных военных специалистов, участников империалистической войны: есаул Осипов, полковник Шулькевич и другие.

Запасы оружия и продовольствия хранились в ущельях и скалах. Мука, оружие заваливались бревнами и листьями. Большую помощь партизанам оказали лесничие и объездчики казенных лесов, которые фактически находились в распоряжении партизан. Их помещения были также в полном распоряжении красных бойцов. Лесники, знающие хорошо все дороги и тропинки в лесу, много раз выручали партизан при попытке белых проникнуть в лес. Кроме этого, лесники передавали партизанам различные сведения местного характера, предупреждали их о приближении белых, выполняли различные поруче-

¹ А. В. Мокроусов. „В горах Крыма“.

ния по связи с городом и занимались необходимыми для партизан хозяйственными делами. Из всей группы лесников особой активностью выделялась многочисленная семья Кособродовых, не раз выручавшая партизан в тяжелые минуты.

Прежде всего партизаны решили лишить Врангеля топлива, необходимого для поддержания железнодорожного сообщения. Из леса Врангель дров получить уже не мог, так как красные партизаны обстреливали белогвардейцев, посланных за топливом. Бешуйские копи являлись единственным источником, откуда белые добывали каменный уголь. Красные партизаны решили взорвать эти копи. Поздней ночью 30 (17) августа партизаны захватили копи и взорвали шахты лежавшим там же динамитом. После перестрелки партизаны удалились в лес.

Активное участие в нападении на Бешуйские копи принял И. Д. Папанин. Об этом подробно рассказывает в своих воспоминаниях участник этого события т. Киселев:

„Мы брали гору за горой, постройку за постройкой, выбили белых из центра шахт. Местами цепи противника и наши сходились на расстоянии 5—10 шагов. Дойдя до рабочих казарм, мы остановились. Лежавший со мной рядом в цепи т. Скрипниченко переругивался с лежащими напротив белыми, предлагая им сдаться. Вновь начинающаяся перестрелка заглушала переговоры, а сзади цепей шла подготовительная работа к взрыву шахт, руководимая Иваном Папаниным.

Когда все было готово к взрыву, т. Мокроусов отдал приказ об отходе. Белые стреляли из пулеметов по отходящим цепям, но не причинили нам урона.

Отойдя от центра шахт, через несколько минут мы услышали взрыв такой неимоверной силы, что под нами заколебалась почва. В воздух взлетели груды камней и дерева, большое пространство окуталось пылью и дымом.

Результатом взрыва явилось уничтожение шахты № 1, материального и продуктового склада, мастерских и большого запаса взрывчатых веществ¹.

11 сентября вооруженный отряд партизан в 300 человек захватил город Судак. Своим внезапным появлением партизаны ошеломили местных белогвардейцев. Передовой дозор партизан разгромил телеграф, телефонную станцию. Затем подоспевшие партизаны расстреляли полковника Усачева и нескольких офицеров. Партизаны захватили около 100 подвод с продовольствием, стадо овец в 300 голов и другие трофеи. До вечера партизаны держали город в своих руках. После трехчасового боя партизаны ушли в лес, оставив на месте боя 4 товарищей, павших смертью храбрых.

Взятие Судака вызвало огромную панику среди врангелевских властей. Представители губернских властей опасались за судьбу Симферополя, Севастополя и принимали меры предосторожности против возможных повторных нападений партизан. 14 сентября начальник гарнизона города Судака издал приказ следующего содержания: „Вплоть до отмены воспрещаю появления на улицах города Судака и его окрестностей позже 10 часов вечера. Предупреждаю, что обнаруженные на улицах после означенного срока будут расстреливаться на месте“².

Победа в Судаке окрылила красных партизан. Бойцы готовились к новым нападениям на врангелевские тылы. Разрабатывался план захвата Гурзуфа.

Неожиданная активность партизан вызвала панику и растерянность среди крымской буржуазии. Засуетились губернские власти. Таврическая губернская стража объявила всех выезжающих из города Симферополя в Алушту,

¹ Из воспоминаний т. Киселева. Крым. ИГВ.

² „Ялтинский вечер“ № 333 от 25/IX 1920 г.

Ялту или Судак и из Феодосии в Судак собираться у полиции в определенное время и выезжать из города караванами, в сопровождении воинских частей. Ездить в другое время вне караванов было категорически воспрещено.

Паника, царившая среди буржуазии, отразилась в белогвардейских газетах, которые посвящали партизанам большие статьи. В сентябре газета „Вечернее время“ посвятила красным партизанам статью следующего содержания:

„Существование партизан приняло такой угрожающий характер, что замалчивать это своеобразное явление наших дней значит закрывать глаза на огромную опасность. Фактически шоссейные дороги Крыма, благодаря зеленым, стали непроходимыми. Поехать, например, из Алушты в Симферополь или из Феодосии в Судак стало делом опасным, не говоря уже о том, что благодаря партизанам стала невозможной мирная работа, стал затруднительным подвоз дров и продуктов в города. Существование партизан грозит порядку в Крыму“¹.

С изгнанием Бабахана из среды партизан Врангель лишился своей агентуры. Для разгрома партизан он вынужден был отозвать с фронта воинские части, так как силами полиции ликвидировать партизан было невозможно. Белогвардейские воинские части окружали леса, нападали на партизан, но поражения терпели белые, так как партизаны хорошо ориентировались в лесу и предупреждали жителей соседних деревень о передвижении неприятельских войск. Дети крестьян носили партизанам пищу, газеты, передавали различные сведения.

Красные партизаны продолжали наносить белогвардейцам удар за ударом. Повстанческая армия вела непре-

¹ „Вечернее время“, сентябрь 1920 г.

рывные бои с белыми. Даже неполный хронологический перечень отдельных событий дает представление о размахе борьбы красных партизан с белогвардейцами.

13 сентября деревню Кучук-Узень занял отряд партизан в количестве 140 человек. Партизаны обезоружили стражу, сняли телефон на почтовой станции и забрали продовольствие в имениях Козлова и Княжевича. 24 сентября партизаны заняли Кучук-Узень, откуда по телефону было передано в белогвардейские воинские части предложение солдатам бежать из белой армии.

30 сентября партизаны разрушили лесопильный завод в пяти верстах западнее деревни Малые Казанлы. Рабочие были отправлены по домам. 1 октября у деревни Салы 2-й Карасубазарский партизанский полк разгромил 4-й карательный конный полк.

3 октября для взрыва поезда Врангеля красные партизаны заложили под полотно железной дороги фугас огромной силы. Только за 15 минут до прихода поезда Врангеля фугас был обнаружен. Поезд был задержан, и фугас разобран.

12 октября 2-й Карасубазарский Повстанческий полк, получив сведения о передвижении белых частей, устроил засаду на судакском шоссе. Намерение партизан было неожиданным для белых. В бою были разбиты два добровольческих отряда: конный 4-го Кавалерийского полка и пеший того же полка, взято в плен 8 человек, изъявивших согласие служить в рядах повстанцев, остальные разбежались. Со стороны противника было много убитых и раненых. Захвачено много винтовок и патронов. У партизан потерь не было.

20 октября 1-м Конным повстанческим полком была занята деревня Зуя, Симферопольского уезда. Находившийся в деревне белогвардейский полк частью разбежался, а часть его была перестреляна. Полиция во

главе с приставом бежала. Взятые винтовки, патроны и несколько пленных. Со стороны партизан один товарищ был убит.

30 октября подрывная команда 3-го Симферопольского партизанского полка взорвала поезд в трех верстах севернее Алмы. Поезд сгорел.

Штаб красных партизан не ограничился работой только партизанских отрядов. Он организовал ряд революционных подпольных организаций в городах Крыма, в особенности среди севастопольских и керченских военных моряков. Симферопольские подпольщики печатали прокламации. Связь печатников с партизанами поддерживалась через комсомольца М. Славного. К осени влияние большевиков среди военных матросов выросло особенно сильно и проникло в команды военных кораблей Врангеля.

9 августа матросы врангелевского тральщика „Чурубаш“, стоявшего в Севастополе, т. т. А. Яценко и Г. Гулиев решили по выходе в открытое море связать офицеров, поднять красный флаг и сдать тральщик советским властям. Почти вся команда с нетерпением ждала назначенный день восстания. Но затесавшийся провокатор выдал моряков, и т. т. Яценко и Гулиев были расстреляны.¹

19 сентября группа матросов в 47 человек канонерки „Грозный“, стоявшей в Керчи, разработала детальный план перехода на сторону Красной Армии. Она решила связать офицеров и сдать свой корабль в Мариуполе Советской власти. Матросы были связаны с канонеркой „Страж“, матросами ледоколов „Джигит“ и „Гайдамак“. Матросам помогали радиотелеграфисты корабля „Грозный“, которые передавали им советские радиотелеграммы;

¹ „Южные ведомости“ № 166 от 30/VII 1920 г.

сочувствовали команде „Грозного“ и матросы катера „Азов“.

Но подготовка к восстанию была сорвана одним негодяем, который донес обо всем белогвардейской разведке. 19 сентября ночью все матросы были арестованы и преданы военно-полевому суду¹.

О все возрастающих симпатиях военных моряков к Красной Армии говорят и сведения из белогвардейских газет. Так, 28 августа газета „Юг России“ опубликовала приказ следующего содержания:

„Матросов подводной лодки „Утка“ Кузьмича, Грудачева, моториста Олейникова, разоблаченных в большевистской агитации среди команды подлодки, в постоянном восхвалении порядков и деятельности большевиков и их вождей, всяческом порицании русской армии, ввиду имеющихся сведений о намерении названных лиц захватить лодку по выходе в море и отправиться с ней в город Одессу, где перейти на сторону большевиков с командой и с офицерами расправиться по-своему, — приказываю: выслать в пределы Советской России“².

К этому приказу следует добавить, что на языке белогвардейцев „выслать в пределы Советской России“ означало расстрелять на фронте.

Ведя активные операции против Врангеля, штаб красных партизан одновременно связывается с Одессой, откуда доставлялась коммунистическая литература в большом количестве. 19 сентября газета „Таврический голос“ писала: „Установлено, что большевики приезжали из Одессы на лодках и привозили большое количество коммунистической литературы“³.

¹ Архив Октябр. револ. Крым. АССР, Таврич. судебно-след. ком., д. № 17.

² „Юг России“ № 115 (308) от 28 (15) августа 1920 г.

³ „Таврический голос“ № 319 (469) от 19 (6) сентября 1920 г.

7 октября 1920 года третьим Симферопольским повстанческим полком занята деревня Коккозы и обезоружена стража. Полк занял Каралез, где взял в плен двух солдат, одного стражника и 12 казаков. В дер. Ай-Тодор партизанами разогнаны инженеры и рабочие, заготавливавшие шпалы для железнодорожной линии Джанкой—Перекоп. Партизаны сожгли приготовленные для этой линии и разложенные в Суук-Су на протяжении двух-трех километров железнодорожные шпалы.

Боевые действия красных партизан встревожили не на шутку барона Врангеля. Слепая ярость овладела им при сознании недостижимости и безнаказанности Крымской повстанческой армии. 9 октября Врангель опубликовал приказ, согласно которому 50% от всех ценностей, обнаруженных при обысках у коммунистов, отдавались тому, кто поможет контрразведке в розыске коммунистов. Кроме выдачи премий золотом, деньгами, лошадьми и т. д. офицерам, помогающим раскрытию коммунистических организаций, он предоставил право на внеочередное повышение в чинах.

Впрочем и такая щедрость не помогла Врангелю. Количество красных партизан ежедневно возрастало. Они продолжали нападать на врангелевские тылы, наносить врагу внезапные и меткие удары, которые дезорганизовали и выводили надолго из строя части противника. Свои неудачи в борьбе с партизанами белые думали возместить усилением террора и издевательствами над беззащитными пленными красноармейцами. Захваченных в плен партизан белые сажали на кол, рубили шашками, привязывали к лошадям и тащили их по земле десятки верст и т. д.

Большую работу развернул в Крымской повстанческой армии Иван Дмитриевич Папанин. Иван Дмитриевич был тесно связан с рабочими севастопольских заводов;

его личное знакомство с рабочими способствовало успешной революционной и агитационной деятельности. Весть о появлении в лесах Крыма известных севастопольцев—Мокроусова и Папанина ободряла многих рабочих. Тов. Папанин организовал подрывную деятельность рабочих в тылу у белых. Это дало свои результаты. Об усилении революционной работы на Севастопольском морском заводе рассказывал рабочий т. Очиков: „На заводе ремонтировали корабль „Цесаревич“. Мы решили его так „отремонтировать“, чтобы он не мог действовать против красноармейских частей. На этом корабле наша бригада ремонтировала котлы. Трубки из котла можно было вытаскивать через горловины, но мы сделали иначе. Зацепили толь за паропровод и давай тащить. В результате законченная ремонт паровая магистраль была выведена из строя“.

Тов. Папанин принимал самое активное участие во всех боевых действиях, направленных против белых, но кипучий темперамент Ивана Дмитриевича не удовлетворялся достигнутым. 10 сентября командование Крымской повстанческой армии направляет т. Папанина в Советскую Россию для организации нового крупного десанта и для доставки партизанам вооружения. Тов. Папанин уезжает в Харьков в Реввоенсовет Южной армии и увозит с собой донесение штаба повстанческой армии о состоянии крымских партизанских отрядов до и после приезда группы т. Мокроусова. В донесении были намечены перспективы дальнейшей борьбы. Оканчивалось оно следующим требованием: „Для успешного партизанского движения необходимо доставить из Центра оружие следующим образом: дать в распоряжение т. Папанина один истребитель, если таковой имеется, или же быстроходный катер, на котором можно было бы кроме оружия доставлять также хотя бы раз в неделю человек

по пятьдесят, которых свободно можно высадить во всем районе около Алушты¹.

После длительного и тяжелого путешествия сквозь цепи белых, едва не стоившего т. Папанину жизни, ему все же удалось доставить это донесение по назначению. Быстрая сообразительность и находчивость, могучая революционная энергия помогли Ивану Дмитриевичу благополучно добраться до Советской России и после свидания с командующим Южным фронтом Михаилом Васильевичем Фрунзе снарядить новую экспедицию в тыл барона Врангеля. О своем свидании с т. Фрунзе т. Папанин рассказывает следующее:

„Командующий Южным фронтом Михаил Васильевич Фрунзе был в это время в Харькове: ему сообщили, что я приехал из тыла Врангеля. Он вызвал меня в штаб Южного фронта.

Серьезный урок революционной бдительности получил я во время этого свидания с Михаилом Васильевичем.

Фрунзе встретил меня настороженно.

— Вы товарищ Папанин? Здравствуйте! Вы из тыла Врангеля?

— Да,—ответил я.

— Вы член партии?

— Да.

— Чем докажете?

— В Центральном комитете коммунистической партии Украины должны меня знать, потому что я был комиссаром оперативного управления штаба морских сил Юго-Западного фронта.

¹ Из донесения командующего Крымской повстанческой армии от 10/IX 1920 г.

Тов. Фрунзе тут же поручил своему секретарю связаться с Феликсом Коном, который в то время был секретарем ЦК партии. Через несколько минут раздался телефонный звонок. Из ЦК сообщили: „Папанин—член партии и последняя его работа—комиссар оперативного управления штаба морских сил“.

Но это сообщение не удовлетворило т. Фрунзе.

— Телефон телефоном, получите в ЦК официальную справку,—сказал Михаил Васильевич своему секретарю.

Откровенно говоря, мне стало не по себе. Вот, думаю, с таким трудом, с таким риском пробирался в Советскую Россию, а тут сразу недоверие, такой холодный прием?!

Невольнo вспомнился Ростов, Реввоенсовет Кавказского фронта, где первоначально к нашему предложению высадить десант в тыл Врангеля отнеслись, как к авантюре. Неужели и здесь считают нас авантюристами?!

Мои мысли были прерваны появлением секретаря, передавшего товарищу Фрунзе пакет, присланный из ЦК коммунистической партии Украины.

Быстро прочитав полученную из ЦК справку, Михаил Васильевич еще раз пристально посмотрел на меня и, обращаясь ко мне, дружеским тоном сказал: „Ну, теперь давайте поговорим“.

Долго и подробно он расспрашивал меня о повстанческой армии. Его интересовало буквально все до самых мелочей. Он придавал исключительно большое значение повстанческому движению в Крыму. Он интересовался количеством бойцов в повстанческой армии, чем мы вооружены, есть ли деньги, как питаются партизаны, не занимаются ли грабежом, как относятся к нам местное население. Я не успевал отвечать на вопросы. Внимательно выслушав меня, Фрунзе спросил, какая нужна помощь красным партизанам Крыма. Я подробно

изложил, что необходимо т. Мокроусову и что требовалось для второго десанта.

Тут же при мне товарищ Фрунзе по телефону отдал приказание о выделении средств и оружия для крымских партизан. Мне дали денег, помогли организовать отряд, выдали пулеметы, бомбы, большое количество винтовок. Командованию Азовской флотилии дано было распоряжение выделить два катера-истребителя. В заключение Михаил Васильевич дал указание члену Реввоенсовета тов. Гусеву:

— Сергей Иванович. Возьмите под свое личное наблюдение выполнение моих приказаний, помогите Папанину скорей отправиться в Крым.

Тепло распрощавшись с Фрунзе, я стал готовиться в обратный путь.

Окрыленный такой поддержкой, я с радостью возвращался к своим браткам, увозя с собой все необходимое для бойцов повстанческой армии и неизгладимое впечатление о славном полководце Красной Армии Михаиле Васильевиче Фрунзе.¹

Тов. Фрунзе правильно оценил значение высадки 2-го десанта и решил нанести Врангелю удар с двух сторон: в лоб и с тыла. Получив одобрение со стороны командующего Южным фронтом, т. Папанин немедленно приступил к снаряжению 2-го десанта. Он отобрал истребитель, особую команду из выносливых и храбрых красноармейцев и приступил к выполнению своего плана.

9 ноября у Капсихора высадился 2-й папанинский десант, который состоял из 50 человек. В распоряжении красных бойцов было много оружия. Тов. Папанин доставил в Крым одно 75 мм орудие, два пулемета

¹ Из сборника „Перекоп“, подготовленного к изданию секретариатом Главной редакции И. Г. В. 1940 г.

системы „Кольт“, несколько пулеметов системы „Максим“, много винтовок, патронов, бомб и т. д.

Прибытие второго десанта, организованного после преодоления больших трудностей, совпало с решительным наступлением Красной Армии на перекопские укрепления. Тов. Папанин правильно оценил тактическое расположение своего отряда и, не долго думая, приступил к боевым действиям. Он вооружил крестьян окружающих деревень и ударил в тыл отступающей белой коннице генерала Барбовича. Конница была рассеяна, и через несколько дней отряд т. Папанина встретился с отрядами т. Мокроусова.

На Феодосийском шоссе красные партизаны вновь врезались в конницу Барбовича и образовали в ней брешь. Растерявшийся генерал Барбович выслал парламентариев с белыми флагами, чтобы узнать, с кем он имеет дело. Тем временем красные партизаны продолжали громить конницу белых. Было захвачено несколько тысяч пленных, 15 пулеметов, много легких орудий, лошадей, амуниции и другое военное снаряжение. Конница Барбовича потерпела полнейшее поражение. Один только взвод красных партизан под командованием т. Кудрявцева захватил около 600 пленных.

Блестящая победа, одержанная красными партизанами на Феодосийском шоссе, была весьма положительно отмечена командующим Первой конной армии т. Буденным.